

«ЧЕРЕЗ ИГРУ В ОРКЕСТРЕ ДОЛЖНЫ ПРОЙТИ ТЫСЯЧИ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ ПОЯВИТСЯ ОДИН РОСТРОПОВИЧ»

Интервью с ректором РАМ имени Гнесиных Г. Маяровской

Д.К.: Что мы приобрели как наследники советской системы музыкального образования и что потеряли на текущий момент, не говоря о реформах?

Г.М.: Даже трудно говорить о «сейчас и сию минуту», поскольку жизнь меняется, развивается. В СССР существовала уникальная система профессионального музыкального образования. Что эта система в себя включала? Сроки обучения — семь-восемь лет, учебные планы и программы, экзаменационные требования, которые были во всех звеньях: и в начальном, и в среднем, и в высшем. Ответственность за всю систему несло Министерство культуры СССР и РСФСР, оно и было законодательным органом.

Д.К.: Все это выглядит, конечно, очень серьезно. Но в 90-е годы вся страна «сдвинулась с места». Что произошло с музыкальным образованием?

Г.М.: В 90-е годы мы практически все потеряли. В 1992 году вышел Закон об образовании, согласно которому высшее и среднее сохранило свои основы, а начальное — детские музыкальные школы — ушло в дополнительное образование. Хочу отметить, что дополнительное образование было широко распространено в СССР — вся страна была буквально охвачена сетью студий, кружков детского творчества. Существовали даже вечерние музыкальные школы для взрослых — словом, выбор

у детей и родителей был очень большой, на любой вкус.

Д.К.: Конечно, прекрасно помню это время. В английской спецшколе, где я училась — а школа располагалась в Леонтьевском переулке, в шаговой доступности от Московской консерватории и Дома композиторов — был кружок по обучению игре на фортепиано, где преподавали студенты консерватории.

Г.М.: Кружки охватывали все направления: и технические, и театральные, и музыкальные. Во всех школах обязательно был хор, тогда пела вся страна.

Д.К.: Конечно, и в нашей музыкальной школе был замечательный хор и прекрасный хормейстер, и в общеобразовательной школе уроки пения были обязательными.

Г.М.: Да, работала система Кабалевского. Должна сказать, что кружки существовали и при высших учебных заведениях, особенно таких известных, как МГУ, Бауманский университет, МГИМО — некоторые известные актеры вышли из этих кружков.

Д.К.: Картина получается прекрасная, даже радужная. Так что же со всей этой радостью случилось в 90-е годы?

Г.М.: В 90-е годы кружки и студии были закрыты, а музыкальные школы стали считать дополнительным образованием.

Д.К.: Это мы все хорошо помним. И к чему же все пришло?

Г.М.: А пришло к тому, что школы стали, во-первых, закрываться, во-вторых, передаваться в ведение образования. Если раньше они подчинялись Министерству культуры союзного и республиканского значения, то теперь перешли в подчинение региональных и муниципальных органов культуры или образования. Раньше существовали методкабинеты, разрабатывались методики, которые успешно внедрялись в педагогический процесс. Заслуженные преподаватели делились накопленным опытом. В советское время поощрялось стремление преподавателя внести вклад

в общее дело. Но в 90-х методкабинеты стали закрываться, и на сегодняшний день остались единицы тех, кто мог бы создать уникальную методику и сделать ее доступной всему педагогическому сообществу.

Д.К.: Мы с Вами установили, что в 90-е годы система детского музыкального образования перешла в региональные и муниципальные департаменты образования и культуры. А что же произошло дальше, что изменилось в наше время, за последние двадцать лет?

Г.М.: Мы потеряли большое количество музыкальных школ и ежегодно продолжаем их терять. Школы объединялись, укрупнялись, превращались в школы искусств, когда под одной крышей сосуществовали и детская музыкальная школа, и художественная, и хореографическая. Но что мы потеряли? Мы потеряли духовиков и отчасти народников. Если раньше исполнительство на народных инструментах было престижным, и дети с удовольствием шли заниматься на баян, балалайку и домбру, то к концу 90-х годов ситуация стала весьма неблагоприятной...

Д.К.: Но это все-таки уже «дела давно минувших дней». Что мы имеем сегодня, сейчас?

Г.М.: Могу сказать, что к концу девяностых вся система рухнула. Я испытываю огромную благодарность Министерству культуры, которое взялось за восстановление детского музыкального образования после глубокого кризиса девяностых. Ведь мы потеряли не только некоторые творческие направления, о которых я уже говорила, но и базу: инструменты, здания... Материальная база нашего образования обветшала и состарилась.

Д.К.: Самое время подытожить, что же за прошедшие двадцать лет сделано Министерством культуры, если Вы отводите ему такую выдающуюся роль.

Г.М.: Начнем с того, что в 2012 году вышел новый закон об образовании. На

основании 83 статьи (об образовательных программах в сфере искусства) детское музыкальное образование как бы разделилось на две части — предпрофессиональное и общеразвивающее. Теперь родители могли выбирать или профессиональное восьмилетнее обучение в соответствии с учебными планами, требованиями, экзаменами, теорией музыки, сольфеджио или адаптированную общеразвивающую программу. Единственное но... Предпрофессиональные программы полностью обеспечиваются государственным бюджетом, а общеразвивающие — платные.

Д.К.: Вы сказали, что семь лет назад произошел некий перелом. Значит, сейчас можно подвести некоторые итоги этой новой системы. Так каковы же они? И есть ли в этой системе слабые места? Вы же знаете, что сейчас мы переживаем некий квази-скандал, когда вопросы музыкального образования приобрели особую остроту и обсуждаются в СМИ, чего уже давно не было. В чем же тут дело?

Г.М.: Дело в том, что у нас смешались понятия. Некоторые деятели культуры, сотрудники и даже руководители учреждений культуры считают, что надо объединить предпрофессиональное и общеразвивающее направления.

Д.К.: Как это соединить? Довольно трудно это представить...

Г.М.: Я категорически против такого объединения: Министерство культуры должно заниматься предпрофессиональными программами, а Министерство просвещения — общеразвивающими.

Д.К.: И как организационно это сделать, как разделить? Ведь и те, и другие находятся в одной школе?

Г.М.: К этому вопросу можно подойти по-разному. Например, петербургские школы нацелены исключительно на предпрофессиональное образование, многие родители поддерживают подобную систему и предпочитают первые вторым.

И Петербург тут не одинок. В то же время в некоторых регионах сокращаются предпрофессиональные программы и расширяются общеразвивающие.

Д.К.: И это неудивительно. Ведь профессионалов нужно не так много, разве нет? И талантов не бесконечное количество...

Г.М.: Вы же знаете известное высказывание о том, что через игру в оркестре должны пройти тысячи, прежде чем появится один Ростропович. Чем больше детей занимаются профессионально, тем лучше для нашей музыкальной культуры — ведь перспективы развития ученика зачастую неясны ни на первый, ни на второй, ни даже на четвертый год обучения.

Д.К.: Да, конечно, даже подростковый возраст еще не наступил, а все дети развиваются по-разному, каждый в своем режиме, в своем темпе...

Г.М.: Естественно. Сколько сегодня существует отвлекающих факторов — дети не расстаются с телефонами, планшетами и гаджетами. Ребенок не хочет серьезно заниматься.

Д.К.: Ребенок никогда не хочет, а когда он хотел...

Г.М.: Конечно. Мне кажется, любая профессия, особенно если ребенок осваивает ее с ранних лет, требует настойчивости со стороны родителей — будь то музыка, спорт, или хореография. Если не заставлять, ничего не получится ни в художественной гимнастике, ни в легкой атлетике, ни в любом другом виде спорта. Я за целенаправленное обучение со всеми его требованиями.

Д.К.: Однако не могу Вам не возражать. Ведь спор о будущем нашего музыкального образования разгорелся именно потому, что есть некое противоречие между профессиональным и любительским образованием, которые требуют разного отношения со стороны самих детей и их родителей. Некоторым родителям не нравится, когда

в музыкальной школе слишком много задают и многого требуют, разве не так?

Г.М.: В таком случае не следует обучать своих детей в музыкальной школе. Родители бывают разные. Одни просят рекомендаций и настаивают на жестком отношении, другие же, напротив, недовольны высокими требованиями. В таком случае в профессию идти не следует.

Д.К.: Так в профессию идти не обязательно, ребенок хочет просто музыкой позаниматься...

Г.М.: Для любителей существуют общеразвивающие программы. Наверное, было бы правильно сохранить их в музыкальной школе.

Д.К.: Да, конечно. Думаю, что двери должны оставаться открытыми, чтобы ученики имели возможность переходить из одной обучающей программы в другую.

Г.М.: Однако первые четыре года обучения должны проходить по профессиональным программам. Лишь впоследствии ситуация прояснится и для родителей и учеников.

Д.К.: То есть Вы за то, чтобы позже принимать решение.

Г.М.: Да, именно так. Если четыре года ребенок занимался по общеразвивающим программам, из него вряд ли что-то получится.

Д.К.: Вы хотите сказать, что детям надо дать шанс, пусть потерпят, а впоследствии станет ясно: хотят-не хотят, могут-не могут...

Г.М.: Мне кажется, сегодня мы неправильно воспитываем своих детей. Мы их много жалеем, они должны больше работать.

Д.К.: Да, пожалуй, идеология доктора Спока захватила Европу и Америку. А тем временем на олимпиадах побеждают учащиеся из стран Азии. Их-то как раз заставляют, да и чувство долга так велико, что и заставлять не надо. Неудивительно, что в ведущих оркестрах так много выходцев из Китая, Японии и Кореи.

Г.М.: Правильно. В академию часто приезжают музыканты из Китая. Их привлекает наша трехступенчатая система музыкального образования. Мне довелось побывать в китайской школе, где дети учатся восемь лет. Как там поставлен учебный процесс? Ребенок должен самостоятельно заниматься четыре часа в день. Как только он отвлекается и перестает играть (а двери там наполовину стеклянные), заходит воспитатель и контролирует занятие. Точно так же подходят к учебному процессу японцы: если уж они начали чем-то заниматься, то занимаются серьезно. Я лично считаю, что ребенок должен с детских лет приучаться к труду, и к большому труду.

Д.К.: Возможно, Вы и правы, и приращение как часть системы музыкального воспитания принесло свои плоды. Вот и член Президентского совета по культуре Екатерина Мечетина недавно предложила присвоить нашей системе подготовки музыкантов статус национального достояния. Вы согласны с такой постановкой вопроса?

Г.М.: Да, я ее полностью поддерживаю. Мало того, Российская академия музыки имени Гнесиных имеет статус особо ценного объекта культурного наследия народов России. Этот статус был присвоен за сохранение традиций системы музыкального образования, которая была заложена семьей Гнесиных. Елена Фабиановна Гнесина, руководитель детской музыкальной школы, внедрила в практику музыкальных занятий сольфеджио, теорию, музыкальную литературу; учебные планы и соответствующие методики, строгие требования и экзамены. Елена Фабиановна была убеждена в том, что было бы неправильно играть на инструменте исключительно ради приятного времяпрепровождения.

Д.К.: Неужели не возникали споры, подобные нынешним, о целесообразности столь серьезного подхода?

Г.М.: Споры есть всегда, но разрешает их сама жизнь: гнесинская школа выжила, доказала свою эффективность, стала образцом для всей страны, а любительские кружки распались. Так же серьезно дело было поставлено и у Валентины Юрьевны Зограф-Плаксиной, основателя нынешнего училища при Московской консерватории. Я глубоко убеждена, что мы должны отстаивать наше профессиональное образование, нашу базу, фундамент, на котором стоит вся музыкальная культура, имеющая огромный авторитет во всем мире.

Д.К.: Если мы говорим о мире, то возникает вопрос о ближнем зарубежье — все-таки мы, можно сказать, учились по одним учебникам...

Г.М.: Конечно. В 2012 году Российская академия музыки имени Гнесиных создала Концепцию художественного образования для государств-участников СНГ, а еще раньше, в 2008 году, Министерство культуры разработало Концепцию художественного образования. Эти основополагающие документы помогли нашим школам искусств выжить и продолжить развитие. Необходимость разработки Концепции была обусловлена общностью проблем музыкального образования на всем пост-советском пространстве. Как и у нас, у них сохранилась система детских музыкальных школ, они опасаются потерять систему музыкального образования. Концепция была утверждена решением глав правительств — главой правительства тогда был нынешний президент Владимир Владимирович Путин, который подписал ее от имени России. Уже через два года, в 2014 году наша академия получила статус базовой организации государств-участников СНГ по музыке и художественному образованию. Таким образом, сегодня мы отвечаем за сохранение национальных систем образования в сфере культуры и искусства на всем пространстве СНГ.

Д.К.: Никто и не сомневается в достоинствах нашей системы профессионального образования что в музыке, что в балете, что в изобразительном или театральном искусстве. Проблема в другом: воспитывать профессионалов мы умеем, но что происходит с воспитанием аудитории, с воспитанием тех, кто, собственно, и является адресатом музыкального творчества. Как обстоит дело с любительским образованием?

Г.М.: Именно те, кто учились в музыкальной школе, но не встали на путь профессиональных музыкантов, они-то и составляют костяк художественной аудитории, они-то и представляют ту самую публику, которая посещает оперные театры и концертные залы.

Д.К.: Вы уже ответили: чтобы появился один Мстислав Ростропович, тысячи детей должны учиться играть на виолончели.

Г.М.: Могу сказать даже больше. Сегодня другое время, родители хотят, чтобы их дети получили аттестат о полном среднем образовании. Например, в наше училище от учащихся 9-х и 11-х классов поступило одинаковое количество заявлений (18). Это говорит о том, что ребята, не поступавшие после 9 класса в училище, с музыкой не расстались. Они закончили 11 классов, как хотели родители, и выбрали путь музыканта.

Д.К.: У меня была та же самая история. Я закончила десять классов и лишь потом поступила в училище. Родители были против музыки. О том, чтобы не закончить школу и не получить аттестат не могло быть и речи. Такую же биографию имеют многие известные музыковеды и преподаватели.

Г.М.: Кроме того, учащиеся 11 классов, закончившие предпрофессиональные программы музыкальных школ имеют возможность поступить на уникальные факультеты — это музыкальный менеджмент, продюсерство, музыкальная журналисти-

ка, музыкальная звукорежиссура. Об этих ребятах иногда забывают, когда считают процент выпускников музыкальных школ, избравших музыкальную специальность. Помимо этих весьма популярных музыкальных направлений в нашей академии существуют музыкальные отделения и в других вузах: педагогических, гуманитарных, вузах культуры, где достаточно большой процент абитуриентов, закончивших 11 классов и полный курс музыкальной школы.

Д.К.: Не стоит забывать историков, филологов, искусствоведов и прочих гуманитариев... Им тоже музыкальное образование только на пользу, даже если исходить из узкопрофессиональных интересов. Да что говорить о музыкальных школах, когда даже из средних специальных музыкальных школ, из так называемых десятилеток, тоже не все поступают в консерваторию и при этом становятся успешными студентами других вузов, даже не обязательно гуманитарных...

Г.М.: Без сомнения, музыкальное образование сделало их просто интеллигентными людьми, любящими искусство и имеющими достаточно высокий культурный уровень. Это и есть наша публика. Один молодой человек, ныне студент МГУ, признался в том, что только со временем смог оценить пользу и результаты учебы в музыкальной школе. Несмотря на то, что он не играет на инструменте, он испытывает чувство благодарности к родителям, которые не позволили бросить школу и настояли на ее окончании. Теперь он может различать разные уровни исполнения, оценить качество музыки. Но самое главное, музыка сформировала его как личность.

Д.К.: А другие, бывало, наоборот упрекают родителей в том, что не заставили, позволили бросить. Мол, теперь бы я играла, могла бы немного музицировать, разбираться в музыке, а вы проявили слабохарактерность...

Г.М.: Естественно, бывают самые разные ситуации, разные семьи и раз-

ные музыкальные школы, не говоря уже о преподавателях...

Д.К.: Конечно, достоинства наших музыкальных школ никто не подвергает сомнению. Однако нередко приходится слышать и суждения о том, что на Западе другая система, где в центре находится не школа, а частный преподаватель — частный ученик, и ничего, живут, и прекрасные оперные театры у них есть, и прекрасные оркестры... Что тут можно возразить, почему эта система нам не подходит?

Г.М.: А какой процент европейских музыкантов в оркестрах? Как правило, большая часть оркестрантов — граждане Китая, Кореи, Японии, а кроме того выпускники наших музыкальных школ и, соответственно, консерваторий.

Д.К.: На эту тему можно поспорить — в конце концов, многие десятилетия и даже столетия театр La Scala или Berliner Philharmoniker вполне существовали и без нас, так что не будем уходить от главного вопроса: все-таки почему система частный педагог — частный ученик для нас неприемлема?

Г.М.: Потому что частное образование очень узко, оно направлено исключительно на изучение инструмента. Сегодня профессиональное образование в учебном заведении позволяет не только освоить музыкальный инструмент, но и комплекс дисциплин, которые формируют личность. Общий уровень нашего профессионального музыканта несравнимо выше.

Д.К.: Не хотите ли Вы сказать, что крупные таланты никто не отменял, и они есть везде, и там, и тут, но средний уровень у нас все-таки выше?

Г.М.: Да, выше. И не только в профессионалах дело: даже в общеобразовательных школах за рубежом большое внимание уделяют художественному образованию. Во многих школах Германии, Англии, Америки есть духовые оркестры.

Д.К.: Скорее, мы можем сказать, что там музыкальное образование в большей степени рассредоточено, а у нас оно сосредоточено именно в системе музыкальных школ...

Г.М.: Что и говорить, до 90-х годов в общеобразовательных школах было очень солидное художественное образование — были и школьные хоры, и ансамбли. Если мы вернем эту систему, то музыкальные школы смогут сосредоточиться на предпрофессиональной подготовке. Мне нравится позиция Генерального секретаря ЮНЕСКО госпожи Одри Азуле, которая сказала: «Человек, не знающий культуру своей страны, никогда не сможет стать ее гражданином». Под этими словами можно подписаться, частный педагог такого образования никогда не даст.

Д.К.: На тему музыкального образования можно говорить и спорить бесконечно, однако, чтобы подвести некоторый итог, хочу Вас спросить: что бы Вы сделали в первую очередь с нашим музыкальным образованием, если бы это было в Ваших силах?

Г.М.: Предпрофессиональное образование можно было бы на год сократить, восьмилетнее обучение заменить на семилетнее. Федеральные государственные требования, как их сокращенно называют ФГТ, следует пересмотреть. Они действительно несколько перегружены.

Д.К.: Может быть, авторы этой системы хотели как можно шире развести предпрофессиональные и общеразвивающие программы и перестарались.

Г.М.: Мне трудно сказать, но облегчить можно. Надо сохранить существующую сегодня систему. Екатерина Васильевна Мечетина придерживается такого же мнения.

Д.К.: В таком случае методики следует развести на предпрофессиональную и любительскую части, чтобы по-разному преподносить материал ученикам.

Г.М.: В профессиональном образовании должны быть использованы и профессиональные методики. Но только кто будет их разрабатывать?

Д.К.: Они есть уже.

Г.М.: Ну как сказать... Я считаю, что сегодня нет новых креативных методик, хотя они нужны. У меня вновь возникает вопрос: а кто их будет разрабатывать? Где те великие люди? Ведь для создания методики необходим многолетний опыт, большое количество учеников, воспитанных и показавших высокий результат. Значит, надо искать таких педагогов.

Д.К.: Я лично знакома с педагогами, которые могут интересно, увлекательно, красиво преподнести пусть не новые, но существующие на сегодня программы.

Г.М.: Мне глубоко обидно, что опыт мастеров-гнесинцев, выдающихся профессионалов зачастую остается незапечатленным. Люди достигают преклонного возраста, уходят из жизни, и, увы, уносят с собой свой бесценный опыт. Я думаю, что помимо нотных и книжных пособий должны создаваться видео-уроки, поскольку живая запись выдающегося музыканта — это совершенно другое. Я вспоминаю Виктора Карповича Мержанова, который часто к нам приходил в качестве председателя различных конкурсов. Таким музыкантам есть что сказать. Как он работал с учениками, используя свою методику! Сейчас как раз запущен национальный проект, в рамках которого существует программа «Деловые люди». В нашем Центре подготовки и переподготовки кадров за текущий год должны пройти обучение 2600 человек. В этом проекте мы хотим показать наших выдающихся педагогов и их учеников. Для сохранения принципов их преподавания, мастер-классы и уроки должны быть непременно записаны, чтобы в любой глубинке педагог мог иметь доступ к этим урокам. Живое современное учебное пособие обязательно должно существовать...